

Писатели двух поколений В. Войнович (слева) и Р. Смородинов о превратностях творчества.

ЭКСКЛЮЗИВ

Владимир Войнович, пожалуй, известен всем. Иным он памятен своими выступлениями на радио «Свобода». Иные, кто не слушал радио во время оно, читали роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» или антиутопию «Москва 2042». Впрочем, те, кто не читал этих произведений, возможно, знакомы с повестями Войновича «Мы здесь живем» или «Замысел». А на худой конец, слышали когда-то по радио песню «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Нашему корреспонденту Руслану Смородинову удалось побеседовать с Владимиром Войновичем в подмосковном пансионате «Липки», где недавно проходил форум писателей.

ЛИПОВЫЙ ПРОФЕССОР

— Владимир Николаевич, давайте по порядку. Родились вы в Сталинабаде в 1932 году. Являетесь профессором Принстонского университета...

— Одну минутку. Я действительно родился 26 сентября 1932 года, а дальше неправда. Я не профессор Принстонского университета. Просто однажды я написал в шутку, ради метафоры, что «в жизни я был пастухом, столяром и профессором Принстонского университета». И это попало в какие-то банки данных, в которых скапливается всякая глупость, и оттуда все черпают без всякого разбора. Я в Принстоне с 84-го года не был даже. Один год я там читал лекции, и все. Кстати, в этих же банках данных сказано, что я со второго курса института «по комсомольской путевке» отправился в казахстанские степи осваивать целину. Во-первых, я себе подобную путевку даже представить не могу, а во-вторых, я, конечно, много глупостей в жизни совершал, но до такой дружбы еще не дошел: из института по какой-то фантастической путевке броситься на целину. Я в целине был три месяца после первого курса, когда нас, студентов, обязали там работать. А вот ушел я из Областного педагогического института действительно со второго курса, потому что была опубликована моя первая повесть «Мы здесь живем». Когда ее напечатали, я посчитал, что институт мне не нужен, обойдусь и без него.

А вообще, когда я говорю о своем образовании, всегда отмечаю,

Владимир ВОЙНОВИЧ: ЖИЗНЬ В РОССИИ НЕ ССТОЯЛАСЬ

что из десяти классов средней школы я окончил пять — первый, четвертый, шестой, седьмой и десятый. Некоторые люди думают, что я этим хвастаюсь. Но если бы я окончил, скажем, Оксфорд или Сорбонну, я бы с большим удовольствием хвастался. Но, к сожалению, ни того, ни другого не кончал. Я служил в армии, работал в колхозе, на заводе, на железной дороге. В 62-м году мне предложили вступить в Союз писателей, из которого в 74-м исключили. Ну а в 80-м по приглашению Баварской академии изящных искусств я выехал в город Мюнхен. До этого я уже четыре года был членом этой академии, и они мне прислали приглашение: мол, херр Войнович, приглашаем вас и т.д. Кстати, моя фамилия сербского происхождения, и немцы ее произносят правильно — с ударением на первом слоге. В таком случае и слово «херр» не столь обидно...

МЕЖДУ МОСКВОЙ И МЮНХЕНОМ

— Вы сами уехали, или вас вынудили это сделать?

— Разумеется, я выехал не только по приглашению Баварской академии, но еще и по настоятельному предложению КГБ. Я действительно до того надоел советской власти, что она уже не знала, как меня выпихнуть. В общем, в 80-м я выехал, через год был лишен советского гражданства и только через девять лет был приглашен обратно по поводу постановки «Чонкина». Ну а в 90-м году указом Горбачева мне было возвращено советское гражданство. С тех пор я живу в Москве, в Мюнхене и в самолете между этими двумя городами.

— Почему Эльдар Рязанов так и не снял фильм по вашему «Чонкину»?

— Я обрадовался предложению Рязанова экранизировать роман,

тем более что это давало мне возможность стать звездным в Союзе. В марте 89-го я наконец приехал вместе с продюсером-англичанином, владевшим правами на «Чонкина». Но Рязанов и этот продюсер поругались. Прежде всего по поводу исполнителя главной роли. Я очень хорошо отношусь к актеру Стеклову, но ему уже тогда по возрасту было поздно играть Чонкина. Короче, идея провалилась. Рязанов, помнится, написал тогда, что «де Войнович не очень расстроился, что «Чонкин» не состоялся в России. На что я в «Огоньке» ответил: «Что делать, Эльдар Александрович, и жизнь моя не состоялась в России»...

МАЛИНОВСКИЙ ПРИРЕВНОВАЛ

— Владимир Николаевич, расскажите о своей работе редактором на Всесоюзном радио.

Например, утверждали, что я написал «Чонкина» по заданию ЦРУ. На что я говорил: «А вы сами попробуйте нечто подобное написать по заданию КГБ»... Не только в политическом, но и в литературном плане я не считал себя учеником Запада. В то время «западниками» были молодые литераторы, которые печатались в «Юности». Мы же — я, Георгий Владимов, Юрий Казаков — публиковались в «Новом мире» и учились на русской классической литературе. Так что мы и «западники» черпали из разных источников. Ну а потом как-то все перемешалось.

РВОТНЫЙ РЕФЛЕКС

— А что вы можете сказать о современной литературе — например, о таких «модных» писателях, как Пелевин, Сорокин...

— С Пелевиным, признаться,

я до сих пор не разобрался. А вот к Сорокину отношусь очень плохо: все, что он пишет, вызывает у меня рвотный рефлекс. Понимаете, вся эта свобода, свалившаяся на российских граждан, повлияла на литературу странным образом: вот, раньше ничего нельзя было, а теперь — все что угодно. И получилось, что в первую очередь можно так, порнографией и прочее. Поверьте, я не ханжа. Я считаю, что в литературе все позволительно, но если это талантливо. А без таланта, не к месту нельзя употреблять и слово «каша». Но сейчас, кажется, наступило время, когда публика наелась этой бездарной литературой писак, которые раньше писали только на заборах. Сейчас возникла потребность в настоящей литературе, а значит, она должна появиться. Средний уровень заметно растет, а для того, чтобы появились какие-то высшие достижения в литературе, средний уровень тоже должен быть высоким. Пушкин не может появиться в отсутствие Батюшкова, Жуковского и других.

ЧОНКИН БЫЛ ЯКУТОМ

— Владимир Николаевич, какую роль в вашей жизни сыграл случай?

— Разных случаев было много. Но был и такой. Однажды я, стоя на плацу, увидел странное зрелище: лошадь-тяжеловес тянет по дороге телегу-платформу на дутых колесах, а на телеге никого. Я удивился и заглянул под колеса. После чего удивился еще больше. Между колесами лежал солдат. Зацепился ногой за возжгу. Лошадь тянет его, он пашет мордой землю, однако не проявляет попытки изменить ситуацию...

На другой день я увидел ту же телегу, ту же лошадь и того же солдата-возницу, но теперь он не под колесами валялся, а сидел на том месте, которое должно было бы называться блуч-

ком. Голова обмотана грязным бинтом. Бинт из-под пилотки вывалился, размотался, конец бинта развевается на ветру. Я спросил товарища, кто этот боец? На что товарищ мне ответил: «Разве ты не знаешь?! Это же Чонкин!»

Так я впервые услышал эту фамилию. И потом слышал ее часто. Чонкин, рядовой комедантской роты, был из тех, про кого говорят — «ходячий анекдот». Про Чонкина рассказывали, что он, малограмотный деревенский парень, не знает уставов, не умеет ходить в ногу, не помнит, какой рукой отдавать честь, вообще понятия не имеет, где «право», где «лево», всех боится и чувствует себя человеком только на конюшне.

Кстати, сорок с лишним лет спустя, вскоре после выхода в России моего романа о Чонкине, я получил из Ленинабада письмо. Некий полковник в отставке по фамилии Сербоба спрашивал меня, не служил ли я в начале 50-х в Шпротаве, не знал ли солдата по фамилии Чонгин (именно через «г») и не его ли взял в качестве прототипа? Как оказалось, мы, солдаты, на слух восприняли тогда его фамилию неправильно, через «к», а тот реальный Чонгин вообще был якутом. Я ответил полковнику, что знал такого солдата не то чтобы лично, а так, видел издадала. И был уверен, что настоящая его фамилия Чонкин. Мимолетное впечатление действительно послужило поводом для создания характера моего героя, но именно русского, а не якутского, — за якутский характер я бы не взялся.

ГЕНИАЛИССИМУС ПУТИН

— А как прикажете соотносить Сима Карнавалова из антиутопии «Москва 2042» и Александра Солженицына?

— Сим Смыш Карнавалов, конечно, пародийный образ. Однако многие люди восприняли его как специальную атаку на Солженицына. И напрасно. Конечно, я немного посмеялся над ним, но не только над ним, а вообще над всякого рода идолами, которые хорошо известны российской истории: протопол Аввакум, Пугачев, Бакунин и другие ниспровергатели основ.

Причем многие не поняли пародию, и даже умные люди начали говорить глупости. Например, уважаемая мною Лидия Корнеевна Чуковская написала мне: «Если Вы не согласны с Солженицыным, полемизируйте с ним!» А зачем мне полемизировать? Сатира есть сатира. Ну написал я пародию, и что? Убил? Зарезал? Не отразил все подвиги и благие деяния прототипа? Да это же опять-таки не житейское святое, пародия. У которой возможны два изъяснения: не похоже и не смешно. Для пародирования нет никаких запретных фигур. Если говорят, что над всеми можно смеяться, а над таким-то человеком нельзя, для меня это значит, что именно этот человек достоин осмеяния прежде других.

— Вам не кажется странным, что революция Рас-серженных Генералов в вашей антиутопии происходит в августе, и путч ГКЧП, последующий после написания романа, также произошел в августе?

— Еще больше удивляют, что в моем романе после революции страной управляет Гениалиссиму, причем — бывший резидент в Германии, энергичный генерал КГБ, свободно говорящий по-немецки...

Руслан СМОРОДИНОВ.